

Андрей
Виноградов

Андрей
Виноградов

Наследник

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
В49

*Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.*

Оформление переплета — *Екатерина Фerez*

Виноградов, А.Г.

В49   Наследник: [роман] / Виноградов Андрей Георгиевич. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 736 с. — (Книга для счастья).

ISBN 978-5-17-107395-4

Андрей Виноградов — признанный мастер тонкой психологической прозы. Известный журналист, создатель Фонда эффективной политики, политехнолог, переводчик, он был председателем правления РИА «Новости», директором издательства журнала «Огонек», участвовал в становлении «Видео Интернешнл».

В произведениях А. Виноградова искусно сплетаются удивительная жизненность в мельчайших достоверных подробностях, и, порою, невероятная необычность. У каждого его героя — своя судьба, а за судьбой личной — наша общая судьба, общее наше время. Новая книга «Наследник» не из тех, что забываешь сразу после прочтения, — это итог долгих раздумий, зеркальное отражение текущей жизни, роман с художественными достоинствами, ставящими его в ряд редкостной для нашего времени литературы.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© А.Г. Виноградов, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

*Вам может показаться, что жизнь сложна.
Так и есть, если у вас сложности.
Если же их нет, то протекает она довольно просто.
Как насморк. Но не в пример дольше, если
вам везет. Со мной же все совершенно не так.*

*Нашим трудностям нет дела до того, как худо
нам по их воле живется. Или не живется вообще.*

Пролог, или Неизвестно чье летнее приключение

В полуденный час на Гоголевском бульваре относительно немногочленно. А еще солнечно, тепло и спокойно. Шум машин, неуступчиво прорывающихся в центр и из центра, не истончает умиротворение, почти идиллию. В Москве другой не сыщешь. Переключка клаксонов слышится мне ленивой перебранкой соседей. В этот хор время от времени нагло вторгаются сиренами и «крякалками» дурно воспитанный участковый, скандальная медсестра, неопознанный мною истерик и надменный мизантроп из управы. Эти, шумные, всё время что-то делают. Наверное, деньги тех, кто не может позволить себе авто — денег нет, все поделены. Была б моя воля... Но она у меня, что вода на керосинке: легко закипает на чужом огне, а своего пламени не дает.

Звуки, как птенцы кукушки, нагло вышвыривают из моей головы всё родное и близкое.

Что за жизнь такая вокруг?! Словно массовое кино? Начало живенькое, бодренькое, но к середине всё вянет-скисает, остается терпеть и досматривать в надежде на то, что... всё еще не так безнадежно. Потом у продюсера заканчиваются деньги... Жаль, что позже, чем у сценаристов — идеи. Оператору, в принципе, обрыдло снимать заведомую туфту. И только бесконечно бездарные актёры ничего не теряют, они звёзды, нам с Земли их не погасить. А космос покоряли не для нас — для гордости и для армии.

С другой стороны, есть и поводы для незначительных радостей. Например, переменчивость и непоследовательность во взглядах на жизнь в широких ее проявлениях — настроения, знаете ли — не мешает мне хранить твердолобую верность правилам и привычкам в отдельно взятой, своей. Какофония? Еще какая! А кто-то обещал гармонию? Сам? Неужели... Что ж, Божий Промысел сродни страховому: никогда не знаешь, сколько в конечном итоге получишь. Но в обоих случаях молиться следует истово. Тогда потери будут не так велики. Последняя мысль исполнена скепсиса, а он, как известно, родной брат непокорности. «БП, Божий Промысел, беспартийный, благодарные потомки, бес попутал...»

Остается шумно втянуть носом угарный газ, от которого в организме ничего не растет, только плесень, из которой никогда не извлекут ничего полезного, — я о пенициллине. Мои легкие тяжелеют от этой мерзости, как желудок от гамбургера. Для меня не новость, что стране не нужны неудачники, но бороться с нами так откровенно... Впрочем, время открытости... Бремя открытости... Правильно, теперь пожалей их... Потому что на них ответственность. И они с ней не справятся, уже не справились. Всё, что происходит, вызывает ассоциации с натужными репликами перепуганных неудачей актёров на фоне рассыпающихся в прах декораций. И только режиссер на пару с помрежем гордятся своей постановкой. И черт с ними. Всё не важно, потому что вскоре всё ранее очеловеченное пространство будет заселено... Что бы придумать эдакое, погаже? Червем! Почему червем? Потому что, по мне, нет ничего омерзительнее червя. Разве что белый червь, дождевой. Впрочем, змей тоже терпеть не могу. И комаров. Правильно, пусть будут комары. На червя можно рыбу ловить, он гадок, однако отчасти полезен. А на комара — что поймаешь? Скорее уж от него. Лихорадку.

Срочно требуется быстрая перемена настроения. Побрить голову? Неплохо. Меньше времени на «чистку перьев» поутру. Но больше мыслей о том, как бы ненароком не ушибить голову — сразу причислят к пьяницам. А это вроде как новость. Вроде как нет. Всё равно не побрею. Решителен непередаваемо.

С соседней лавки резко подхватывается что-то писавший в блокнот невысокий лысый мужчина, примерно моих, глубоко средних, лет. Если это и знак, то всё равно не буду брить голову. Необычно быстрым для воскресной мизансцены шагом, держа руки лодочкой перед собой, он побегал к чугунной ограде. Человек невелик и, по моим от нечего делать прикидкам, максимум, что он может оберегать в ладонях, — это недокормленную синицу. Вот только откуда ей взяться? Мужчина достиг ограждения, распахнул ладони и словно выплеснул содержимое в воздух. Птичка не вылетела. Не было никакой птички. Ни пчелы, ни мухи — я был ближе всех и заметил бы даже мелкое крылатое.

— Дурные мысли, — откликается мужчина с улыбкой на мой вопрошающий взгляд. — Нельзя, чтобы оставались. Для дела плохо.

— А если ветер сейчас поменяется и они всей отарой назад и ко мне — как быть?

Я не ошарашен и, покрасуюсь, ожидал чего-нибудь эдакого, эксцентричного. Интуитивно. По одежке ли персонажа, возможно, по пирсингу на ноздре или по весьма провокативной татуировке на хилом бицепсе. Хотя с художеством по коже он явно припоздал.

Или позднее исполнение желаний всё же лучше неисполненного? Наверняка так и есть, если силы остались.

— Нет, мысли мои, они ни к кому не пристанут. Покружат над площадью, пока я не закончу. У меня тут важная встреча в кафе.

— Удачи.

Говорить о том, что мусорить дурными мыслями в публичных местах — не дело, даже если веришь, что к чужой голове они не пристанут, — я не стал, хотя так и подмывало. Мужчина явно спешил. «Не пристанут они... Еще как пристанут». Ничто в нематериальном мире не размножается в таком темпе, как дурные мысли. И клеем обмазаны со всех сторон.

Парень с георгиевской ленточкой на лацкане со скамейки подалее (что-то поздно надел ленточку или забыл снять?) смотрит вслед удаляющемуся странному мужичку — слышал? — потом на меня. Вылупился, будто я что-то ему задолжал. Сигарету, пару сотен, почитание... Удивительное дело, ты можешь быть каким угодно дерьмом, лицемером, плюющим на больных детей, стариков, но стоит выставить напоказ двухцветную ленточку, как ты уже патриот. И твое внутреннее ничтожество не в зачёт. Что за показушное время?! Всё упрощено до полного примитива. Вообще-то парня я вижу впервые, не знаю о нем ничего, ни хорошего, ни плохого. Да и не смотрит он уже на меня, потерял интерес. Пальму первенства в этой дисциплине у меня никто не выиграет. Я об интересе к себе. Лукавлю, конечно, но так уж устроен.

Вдруг левая ладонь зачесалась, словно ее пощекотали, и я с головой ныряю на мелководье собственных сведений о приметах. При этом точно знаю, что приход мне не светит. А значит, кто-то прискачет за долгом, или надо купить лотерейный билет. Хорошо бы еще знать, где купить правильный. «Выигрышный» говорить не следует, отпугивает удачу. И думать так вредно, а я уже подумал. Вот эта чушь в голове застряла, а информация про ладони — нет. Это несправедливо.

К моей левой ноге рассеяно и вроде бы нехотя пристраивается неведомо откуда взявшийся щен, всё-таки я не совсем безнадежен в плане внимания со стороны окружающего мира. Выбор ноги, очевидно, случаен, левая к нему оказалась ближе. Щен не знает, что от ног не бывает потомства, разве что заведут не туда. Его показушная подневольность со вздохами и закатыванием глаз — пьеска для меня. Пьеска от пёски. Меня уговаривают принять на веру, что лично он, щенок, не испытывает нужды в прискорбном проявлении человеколюбия, понятого прямолинейно, буквально. Тем более что речь не обо всем человеке, а лишь об отдельно взятой его части. Однако есть правила собачьего рода, линия поведения, ее надлежит выдерживать. Вокруг слишком много болтливых собак. Они с легкостью и бестрепетно испоганят доброе имя, растреплют приличную репутацию на лохмотья. А щенку еще жить и жить.

Я всё понимаю и обнадеживающе киваю: давай, действуй, раз уж взялся. Трудись. Всё одно штанам чистка прописана. Прикинув, что при таком попустительстве отлынивать глупо, пёс с минуту демонстрирует завидный темперамент. Я пристраиваю ладонь козырьком, прикрываясь от солнца и люблюсь роскошным днем. Так, наверное, Илья Муромец оглядывал оставшееся за ним поле битвы. Если ниже пояса не смотреть. Посмотришь — образ сразу рушится, потому что вижу настороженный собачий глаз. А надо бы коня. Глаз нет-нет да зыркнет, тут же жмурится, натываясь на мой взгляд в ответ. Щен и впрямь будто на отработке. У меня был такой опыт. Мне не ясно, как такого можно добиться от собаки. И зачем? Неужели собакам также свойственна неразборчивость юности? Эта неясность вкупе с неоформленным предчувствием продолжения... — понятно, что не собачьего непотребства — удерживают меня от резкого движения ног, что мгновенно превратит пса из насильника в космонавта. Пусть и не высокого полета. Махнуть порезче и... Гагарин! Да нет, лайка. «Поехали!» Щен не осилит. А если осилит, то не убедит. Еще можно встать и двинуть по аллее с обременением на ноге. Как ни в чем не бывало. Развlech чуток москвичей и гостей столицы. Но я сижу. Выдержка — мое второе имя. Или третье, потому что второе не для печати. И не для озвучивания на публике. Хотя, все дело именно в публике.

Я не особенно силен в породах, но собаки не в курсе моей несведомленности, им, собственно, наплевать. Безответственно, с легкостью вывожу новый вид «пидерасселы», пёс, стопудово, не натурал. В конце концов, на другом краю скамейки куда более заманчивая для его упражнений пара ног. С моей точки зрения. Ноги... Нет, ножки, так они изящны. И джинсы на них с самого пика моды, не в пример моим ветеранским вельветовым портам. А уж ботильоны... Господи, специально досижу увидеть, как в них будут вставать. Чистой воды экстрим. По-моему, люди, способные ходить на таких каблучищах, должны быть занесены в Красную книгу. И о них, как о тиграх, будут заботиться большие начальники... Да что это я... Ведь наверняка так и есть.

С «обязательной» программой пёс управлялся быстрее моих ожиданий. Насчет произвольной понимает правильно — партнер еще раунд не протянет. Выдержка не та. И нервы. Отойдя на два шага, щенок испытующе смотрит мне в лицо. Похоже, что ожидает похвалы. За проявленную активность? Явно не за выносливость. Возможно, за понимание. Ему правильнее было бы поклониться мне до земли, благо недалеко. За покорность и терпение. Так ему и говорю. Услышав о покорности, он совсем по-человечески вздергивает бровь: «Ой ли?» Но всё это ерунда, конечно. Придумываю от нечего делать.

С любопытствомзираю на наглеца сверху вниз. И он на меня таким же макаром. Неожиданно замечаю рядом с ним пару новомодных, ранее виденных ботильонов. «Пропустил аттракцион, как вставала...» Откидываюсь на спинку скамейки. Просто поднять голову, сам стану похож на пристыженного щенка. Руки складываю на груди. Хочется разметать их крыльями по гребню спинки, но это перебор. Под бластного или другого какого хозяина жизни мне косить бесполезно: не внушаю. Сам тоже не верю. Отсюда всё... Сейчас я немного валяжен и, хочется верить, импозантен. Хотя бы самую малость. Иногда этого бывает достаточно.

Доброжелательно, с легким интеллигентским прищуром (глаза зачитаны до близорукости) разглядываю силуэт в солнечных переливах. Дух света. Джин, явившийся из двух туфель сразу.

— Ваш? — обращаются ко мне из колышущегося воздушного пространства. В мое почти безвоздушное.

Прищуриваюсь чуть сильнее и различаю лицо в ослепительной солнечной раме. Отдельные его черты.

— Помилуйте! — открещиваюсь от животного. Меня так и тянет сложить губы трубочкой. Иногда я непроизвольно копирую мимику собеседника. В школе за это пару раз нешуточно получал. — Вы считаете, что только своим дано так рьяно справляться с... Скажем, с предъявлением чувственности.

— Как вы смешно говорите о... псе.

— Приблудный он.

Одно слово, без спроса прорвавшееся на язык, радует меня своей отвязностью. Мне оно кажется очень уместным. К тому же идеально подходит для образа «смешно говорящего».

— Приблудный, — повторяю, удваивая удовольствие. — И очень... активный. От нерегулярной востребованности, по-видимому.

Второй фразой смазываю успех. Дальше — сплошная убогость. Всё невпопад.

— Кстати, если уж зашла о том речь...

— О том? — стараюсь выправить крен. Брови вверх, улыбка бывалого заговорщика: мы ведь понимаем друг друга? Я форсирую многозначительность слова, не разыграть которое не могу.

— От чужого, приблудного, я бы такого не потерпела, — не уступает мне собеседница. — Впрочем, вопрос вкуса. И разборчивости.

Блестящая, надо признать, реакция. И гибкость. Вообще гибкость. В целом. Девушка насмешлива, ехидна. Не ханжа и не из пуритан... Какие, к дьяволу, пуритане с такими формами! Мне такие нравятся. Чувствую, как во мне стряхивает дрёму вечный раб. На лбу у него нечитаемое клеймо пионера «Всегда готов!». Выполнив клеймо древней письменностью, она ровесник мира, одолеть невидимые словеса до недавних пор могла только женщина. По крайней мере на людях. Дай кандалы, сам закуюсь... Еще молот дай... Клёпки или что там нужно...

Как-то потребительно выглядит эта сдача в рабство. Стираем пока. Сохранить как черновик. Ключевым было слово «чужой». Похоже, что мне предложено рассчитывать на «свой-чужой». Есть такая игра. Разве еще не понятно, из какого я лагеря? Тем более что «чужой» уже есть, щенок, он помечен этим словом нами обоими.

Наклоняюсь к замершему в нерешительности щенку («Обратите внимание, мадемуазель, ровным счетом никаких проблем с поясницей!»), встаю сам и поднимаю ношу за шкуру на уровень глаз. Другой рукой поддерживаю под попу, доверчиво сложенную в мою ладонь. Пёс слегка растерян, но в огромных глазищах азарт и восторг. Похоже, он думает, что видит весь мир разом. С таким сектором одномоментного обзора я враз бы зачислил его на погранслужбу. Погранпсом.

— Что, приبلудный? Если ты не в курсе, твою жертву зовут... А та часть моего туалета, с которым ты вознамерился получить приплод — ее никак не зовут. Она без роду, без племени, без имени. Однако если тебе так будет легче, можешь звать ее Брючиной.

— Штаниной.

— Можно и так. Пусть будет Штанина, хотя в Брючине больше характера. А как имя твоей госпожи?

«Боже, какой примитив. В лучшие века мне следовало бы тотчас же застрелиться. Или зарубиться мечом».

— У приبلудных не бывает господ. Только избранные.

— Это если кто неправильно приبلудился. У меня, к примеру, талант правильно...

— Ну? Ну? Скажите это слово!

— При-блуж-дать-ся. По-моему, классно. Я просто влюбился в это слово.

— Перевлюбитесь, сделайте милость, я забираю «приблудаться» себе.

— Перевлюбиться?

— А что вам не нравится? Перейдите на противоположную сторону. Или переплывите туда же. Перелицуйте, переделайте... Переверните уже, наконец, эту страницу!

— Театральное?

— Не угадали. Скажем, филология.

— Час от часу не легче.

— И чем же филологини вас не устраивают?

— Заговаривают до смерти. Своего рода сирены.

— А вы какого рода будете?

— Смею надеяться, что мужеского.

Язык пса слишком короток, чтобы дотянуться до моего носа, но частота предпринимаемых попыток поражает. Неудачи никоим образом не остужают его пыл. Вероятно, это жи-

вотное неумённо во всех проявлениях. Я медленно опускаю его на парковую дорожку и легонько подталкиваю в направлении от себя. Щенок на веру принимает новую задачу и без оглядки уносится в даль. Что за бред... Мне кажется, что мягкие подушечки лап высекают из каменной крошки голубоватые искры. Возможно, их цвет навязан половой неразборчивостью пса. Ерунда, игра возбужденного воображения, теней, света... Чертовски быстрая игра. Мацуев. А у меня один класс музыкальной школы. Выгнали, кстати, за приставания к директорисе. Весь год ныл: «Отчислите меня, Марина Васильевна, вы же всё можете».

— Судьба, — произносит девушка.

Звучит как-то уж очень... утвердительно. Банальности чаще изрекают с напускной задумчивостью. Мне никак не удастся рассмотреть лицо напротив. Отвратительный контражур. Переминаюсь с ноги на ногу и смещаюсь вправо. Картинка всё та же. Солнце словно прячется за моей случайной знакомой. Несуразное светило. Зимой бы так напрягалось. Кстати, мы до сих пор не знакомы...

— Судьба, — повторяет она всё тем же тоном.

Я бы даже сказал, более настойчивым, с вызовом.

Нет сомнений — это обращение в мой адрес. Не в пространство. Не пробившееся на волю словцо из внутреннего монолога. К чему это?

— Чья? — переспрашиваю, не скрывая недоумения. Наверное, упустил что-то, пока в своих мыслях путался.

— Твоя. Зовут меня так — Судьба. Я ведь тебе не очень по душе пришлась, знаю, что думал об этом. Чего же теперь растерялся? Призови к ответу.

— Мы на «ты»?

— С самого твоего рождения...

Точность даты меня шокирует.

— «Выкала», потому что странно было бы сразу... С места в карьер.

Откуда ей известна эта дата? Меньше всего девушка похожа на сотрудницу паспортного стола. Да и розыгрыши такого рода — неподходящее амплуа для паспортистки. Я вновь скрещиваю руки на груди и взвешиваю, по какой шкале оценить странную шутку.

— Давай, как в фигурном катании, — подсказывают мне.

Я шмыгаю носом. Это всего лишь короткий вдох, но поди докажи. Нервное.

— А если я сейчас побегу? Говорят ведь, что от судьбы не убежишь. И не спрячешься, нет смысла прятаться.

— Так-то оно так, но и попытки не под запретом. Их, слава богу, никто не отменял. Иначе — скукотища. Беги.

— Признаюсь, вы невероятно меня заинтриговали.

— То ли еще будет.

— Щенок при делах? — пытаюсь вернуться в игривый настрой. Усилие почти непомерное. Так ведь и в самом деле — не бежать же?!

— Разумеется. Без него никак. Наглядное пособие. Исключительно для тебя. Два варианта развития событий, на выбор: либо быть обласканным, либо... Ну ты в курсе.

— Судя по презентации, все начинается со второго «либо».

— Сам так устроил. Не обессудь. Вот меня и подослали.

— «Подосланная» с «приблудным». Славная парочка. Не взывайте, но все это отдает... театром. Причем не столичным.

— Провинциальным? Так мы и есть провинция. Всегда на подхвате, самостоятельности никакой, только самодеятельность. Танцы, в основном, вокруг вас, столичных штучек...

Солнце прямо в глаза, в нос залетела щекотка, сдержать чих невозможно.

— ...То-то я... — ворчу несвязное, пытаюсь сообразить, в какой из карманов засунул платок.

Исключительно для себя ворчу, потому что рядом уже никого нет. Пожилая женщина в седых кудряшках а-ля фея дефилирует с мальцом по центру аллеи. Бабушка с внуком. Не воспитательница. За деньги прогулкам с детьми так не радуются. Если кто-либо попадется им навстречу, шагающий по-хозяйски и тоже по центру, эта парочка стушется и уступит. В этом у меня нет сомнений. В женщине чувствуется благовоспитанность и такт. Не пародия, оригинал. Вымирающая школа. Для нее уступать привычно, тут уж ничего не попишешь. А вот мальчику обходительность в жизни, что впереди, вряд ли чем подсобит. Разве что по духовной линии пошагает. Возможно, такая его... Судьба она, видите ли. А вообще классный розыгрыш. Любопытно, кто заказал. И в честь чего — тоже небезынтересно. Впрочем, бескорыстие в наш век явление пещерное, так что скоро объявится... автор.

Замечаю, как женщина при каждом шаге задевает левым локтем правое ухо мальчишки. Оба они не испытывают никаких неудобств, а может быть, притерпелся парень, привык. Наверное, часто ходят вместе. Я желаю мальчишке поскорее перерасти ухом локоть. В противном случае симметрии может быть нанесен непоправимый ущерб. Без причин тру мочку своего правого уха. В нем отзывается: «Про собачку я приврала. Чистая, поверь, случайность».

Оглядываюсь для проформы, знаю, что ни ботильонов, ни того, что над ними, за спиной не найду.

«Случайность?»

Если ирония — музыкальная фраза, то по задумке она должна была прозвучать фортиссимо. По-моему, мне это удалось.

«Сам как думаешь?»

Да, иронией судьбу не смутишь.

«Судьбы так часто лживы...» — я упорствую в несерьез-

«Бывает».

«Учту. Прости, прямо извелся весь, это и есть знаменитые лабутены?»

«Увы. Просила настоящие, но мне сказали, что пока не по рангу».

«Не судьба».

«Совсем запамятовала, смутил девушку. Чего ты хочешь?»

«Это приглашение попросить у судьбы?»

«В каком-то смысле...»

«Ну не знаю... Доверия, любви, независимости...»

«Любовь и независимость... Да ты мечтатель. И фантазер».

«Возможно, это и есть моя судьба? Кто лучше тебя может об этом знать?»

«Что ж...»

«Это было о чем?»

«Обо всем сразу. Послушай, а о чем ты тайно мечтал... Прости, мечтаешь? Сколько я не пыталась разобраться, так и не смогла. Вы ведь мечтаете о том, что судьбами не predetermined».

«Всю жизнь мечтал?»

«Положим, всю... Хотя, мне ли не знать, что ты прямо сейчас «всежизненную» мечту придумываешь. Напрягаешься: что бы такое посмешнее выдумать».

«Родиться в семье миллиардера».

«Ха-ха. Удовлетворен публикой? Блестящая, кстати, эпитафия: «Всю жизнь мечтал родиться в семье миллиардера». Надгробный камень просто расцветет от таких слов. А ты у меня забавный!»

«Для тебя это новость? Не прикидывайся. Или мне неликвид подсунули? А может, вообще с чужого плеча?»

«Ты последний, у кого есть повод пожаловаться. И уж точно не на меня».

«Я в курсе. Я и не собирался. Извини. Собаку покорми. Приблудного».

«Как скажешь. Да... Вылетело из головы спросить: как ты вообще-то?»

«Похоже, я в полной... заднице. Что-нибудь посоветуешь?»

«Сделай селфи».

«Ты тоже забавная».

«А то! Пиши, давай, своего “Наследника”».

«Нашего».

«Надейся. И не забывай самую главную заповедь».

«Какую именно?»

«Ту, что таинственным образом исчезла из Ветхого Завета: “Не облажайся!” Да... Спасибо, что судилище не устроил».

«До следующего раза отложил, там подготовлюсь — не обессудь».

«Об этом не беспокойся. Я о “не обессудь”. Куда я от тебя...»